

Занятия первой половины дня наконец-то подошли к концу. На Тань Цзин одновременно обрушились последствия интенсивной умственной нагрузки и оцепенение от долгого сидения на одном месте. Она размяла немного затекшую шею, а в желудке вовремя проснулся сильный голод.

В потоке людей она вышла из аудитории и, почти бессознательно, без промедления направилась в столовую. Дорога, по которой она проходила бесчисленное количество раз, сейчас под воздействием голода казалась еще длиннее.

В разгар обеденного часа на территории кампуса было не протолкнуться.

Люди, словно костяшки на счетных бусах, двигались, подгоняемые невидимой рукой, скользя из стороны в сторону. Хаотично сбиваясь в кучки и образуя разреженные, но плотные скопления, они проживали свою шумную или молчаливую юность на этом просторном пространстве.

Солнечный свет пробивался сквозь листву, отбрасывая на землю пятнистые блики и падая на молодые или усталые лица.

Столовая и вовсе гудела, как растревоженный ульи: оглушающий шум, ароматы всевозможной еды, смешанные с громкими разговорами и звоном посуды, создавали особую, полную жизнедеятельности симфонию.

Тань Цзин остановилась перед самым популярным у студентов окошком и, глядя на извивающуюся длинную очередь, терпеливо простояла в ней довольно долго.

Очередь двигалась медленно, и она от нечего делать оглядывалась по сторонам, скользя взглядом по незнакомым лицам. Наконец Тань Цзин смогла купить еду: порцию аппетитно блестящей тушеной свинины и обжаренные зеленые овощи.

Взяв поднос, она собралась поискать какое-нибудь тихое местечко, чтобы провести короткий перерыв на обед и позволить еде немного скрасить усталость первой половины дня.

Вдруг её взгляд зацепился за знакомый силуэт. В углу столовой у окна одиноко сидела девушка, слегка опустив голову, будто отгороженная от окружающего шума невидимым барьером.

Солнечный свет пробивался сквозь стекло, мягко очерчивая линии ее нежного профиля и чуть сутуловатые плечи.

Это она.

Увидев ее снова, Тань Цзин невольно улыбнулась, и в душе сама собой зародилась странная,

непреодолимая тяга подойти ближе.

Почти не колеблясь, она направилась напрямик туда, куда смотрела.

Звук шагов утонул в общем шуме, пока она непринужденно не опустилась на стул напротив незнакомки и с улыбкой не произнесла: — Привет, мы снова встретились! В ее голосе звучала свойственная ей яркая, живая энергия.

Девушка за столом вздрогнула, словно испуганный олененок, резко подняла голову, выражая крайнее изумление. В ее зрачках промелькнула растерянность, но эта паника быстро была подавлена — она изо всех сил постаралась взять себя в руки и принять прежний вид, однако слегка побелевшие костяшки пальцев выдавали еще не успокоившееся волнение.

— Привет, волонтер, — тихо проговорила она, а ее голос звучал мягко, словно касание пера. Она помнила Тань Цзин, помнила, как та вчера помогала ей донести вещи.

Глядя на человека, сидевшего на расстоянии вытянутой руки, Тань Цзин все отчетливее замечала в ней хрупкую красоту, из-за которой так и хотелось проявить осторожную заботу.

Она опустила поднос и мягко спросила, пытаясь сделать атмосферу более непринужденной: — Какая у нас с тобой удивительная встреча. Может, назовешь свое имя? Я первая скажу: меня зовут Су Ваньвань, учусь на энергетическом факультете. А ты?

Горло Хэ Суйжань слегка сжалось, пальцы, сжимавшие палочки, чуть напряглись. Мысленно она подбодрила себя, словно набираясь огромной смелости, и выпалила на одном дыхании:

— Меня зовут Хэ Суйжань, я с отделения немецкого языка. Очень приятно познакомиться, Су Ваньвань.

Она говорила немного быстро, будто боясь, что, замешкайся она хоть чуть-чуть, у нее пропадет смелость говорить дальше.

— Мне тоже очень приятно познакомиться, Хэ Суйжань! — весело улыбнулась Тань Цзин. Глядя на эту красавицу с вызывающим жалость выражением лица, она испытывала внутреннюю радость, словно обнаружила какое-то драгоценное сокровище.

Прекрасный солнечный свет падал на мягкие волосы Хэ Суйжань, отливая мягким блеском.

— Хэ Суйжань, у тебя такой красивый голос. Наверное, когда ты читаешь по-немецки, звучит еще лучше, — искренне похвалила Тань Цзин, представляя, как этот мягкий голос произносит слова на иностранном языке.

— М-м... да нет, ничего особенного, средне, — кончики ушей Хэ Суйжань с видимой скоростью покрылись легким румянцем. Она молча опустила голову, не смея встретиться с ее сияющим взглядом, и уставилась на одинокую тарелку с овощами перед собой, чувствуя в душе невыразимое смущение.

Тань Цзин согнула руку в локте и ткнула палочками в полный риса кусок в своей чаше. Сияя от вожделения, с весенней рябью в глазах, она попыталась передать немного воодушевления: — Хэ Суйжань, ты должна верить, что ты очень замечательный человек.

В то же время она заметила, что на подносе у Хэ Суйжань лежало лишь одно овощное блюдо, причем, казалось, его съели больше половины, да и риса осталось совсем чуть-чуть. Ее сердце против воли кольнуло тонкой иголкой, порождая острую, густую жалость.

Девушки в этом возрасте как раз должны радоваться жизни, баловаться и уделять внимание нарядам, а она так исхудала.

Хэ Суйжань помолчала несколько секунд. Искреннее ободрение собеседницы было похоже на маленький язычок пламени, пытавшийся согреть ее привычно запертое на замок сердце.

В конце концов она подняла голову и одарила Тань Цзин легкой улыбкой, в которой сквозила доля стеснения и благодарности — пусть и слабая, но совершенно искренняя: — Сокурсница Су, спасибо тебе.

— Ха-ха-ха, пустяки! Ешь давай побольше овощей, — Тань Цзин вела себя предельно естественно, словно речь шла о самой незначительной мелочи.

Она ловким движением отделила половину порции своей аппетитной, блестящей тушеной свинины и без лишних слов переложила ее в тарелку Хэ Суйжань. Причем выбрала самые вкусные и нежные кусочки мяса.

— Я сегодня взяла слишком много, выручай, а то пропадет даром, — она нашла на вид безупречный повод, пытаясь уменьшить психологическое давление собеседницы.

Эх, пожалуй, это слишком бесцеремонно, но нельзя же ей так жить. Думала Тань Цзин, украдкой наблюдая за реакцией Хэ Суйжань.

Глядя на неожиданно появившееся на тарелке аппетитное мясо, чей насыщенный соус даже пропитал оставшуюся у нее горстку риса, Хэ Суйжань почувствовала глубокое смущение. Руки, сжимавшие палочки, непроизвольно напряглись, ногти впились в ладони, а накрывшая её волна жуткого комплекса неполноценности и стыда едва не захлестнула с головой.

Все-таки она заметила, как же неловко.

Меньше всего на свете ей хотелось, чтобы кто-то заглядывал в ее нужду, особенно такой лучезарный человек, у которого, казалось, не бывает никаких проблем.

Хэ Суйжань невольно подняла голову, выдавив из себя улыбку, которая была горше горькой тыквы, и тихо произнесла: — Спасибо, сокурсница Су. Благодарность была искренней, но и это неудобство — тоже.

— Но почему? — снова спросила Хэ Суйжань, и в ее голосе прозвучала едва заметная дрожь.

Из жалости?

То самое чувство с оттенком превосходства, в котором она меньше всего нуждалась.

Тань Цзин видела все ее малейшие реакции: сжатые палочки, горькую улыбку, опущенные долу глаза, избегающие прямого взгляда.

Маленькая горькая тыковка, пожалуйста, не будь такой закомплексованной, я ведь вовсе не ангел.

Она улыбнулась, непринужденно и даже с легкой иронией, но ее слова были предельно ясны: — Ты слишком худая, прямо как больная. Ты такая красивая, если будешь есть побольше, это станет меньшим из того, что ты должна своему телу.

Тань Цзин указала сначала на мясо в тарелке, а потом на саму Хэ Суйжань, глядя на нее открыто, без малейшей жалости — лишь с чистым восхищением и заботой: — Здоровье ведь важнее всего, разве нет?

Услышав это, Хэ Суйжань наконец смогла свободно выдохнуть: слава богу, худшего сценария не произошло.

Но слово красивая вновь вызвало в ее душе смутную, невыразимую грусть.

Просто считает меня красивой... что ж, это тоже неплохо. По крайней мере, это не чистая жалость.

Хэ Суйжань невольно усмехнулась про себя, испытывая целую бурю сложных эмоций.

Она растянула губы в улыбке, изо всех сил стараясь придать лицу более естественное выражение: — Это от природы. И ты тоже очень красивая, сокурсница Су.

Это было сказано от чистого сердца: красота Су Ваньвань была яркой, полной жизненной силы,

похожей на полуденное солнце — она вызывала восхищение и в то же время не позволяла смотреть на себя прямо.

Тань Цзин улыбнулась, больше ничего не говоря, и принялась за еду. Она знала, что хорошего должно быть в меру, и сейчас лучше всего было позволить всему идти своим чередом.

Шум в столовой не утихал, но атмосфера за их столиком незаметно менялась.

Тань Цзин ела не то чтобы медленно, но и не грубо. Покончив с последним кусочком, она с довольным видом отложила палочки и достала влажную салфетку, чтобы вытереть рот.

А Хэ Суйжань, покончившая с обедом чуть раньше, тихо сидела напротив, сложив руки на коленях, словно чего-то ожидая.

Хэ Суйжань все еще смаковала во рту ощущение от того кусочка тушеного мяса: насыщенный мясной аромат, солоновато-сладкий соус и текстуру мягких мясных волокон.

Давно не евшая мяса, она поспешила во время трапезы, набросившись на еду с бережным, почти благоговейным трепетом, и вмиг очистила свою тарелку.

Теперь, вспоминая об этом, она даже ощутила легкую тоску.

Пообедав, обе девушки переглянулись и улыбнулись — в этой улыбке теперь читалось куда больше невыразимого взаимопонимания и легкости, чем прежде. Они тут же поднялись, слаженно убрали со стола, сложили подносы и направились к месту возврата посуды.

По ходу дела Тань Цзин машинально помогла Хэ Суйжань забрать палочки — маленький, почти незаметный жест, от которого сердце Хэ Суйжань чуть заметно ёкнуло.

Обе уже вышли из столовой. Полуденное солнце светило вовсю, небо было ясным и чистым, а легкий весенний ветерок ласкал лицо. Дуновение ветерка принесло слабый аромат далеких цветов и растрепало прядки у Хэ Суйжань на лбу.

Она бессознательно подняла руку, чтобы их поправить.

— Давай добавим друг друга в друзья! — выпалила Тань Цзин. Она достала телефон и посмотрела на Хэ Суйжань так горячо и ожидающе, будто в ее глазах прятались звезды.

Ей казалось, что находиться рядом с этой девушкой было очень комфортно, а ее тихий нрав удивительным образом умирал легкое раздражение от недосыпа и хлопот.

Увидев, как такая высокая и ослепительная красавица обращается к ней с подобной просьбой, а ее чистые глаза полны надежды, Хэ Суйжань невольно склонила голову набок и улыбнулась. Этот жест придал ей то самое озорство, которое полагалось по возрасту: — Хорошо, сокурсница Су, давай я отсканирую твой код.

Она тоже достала из кармана свой старенький смартфон.

Добавив друг друга в контакты, Хэ Суйжань взглянула на появившееся в списке новое имя и милую аватарку, чувствуя себя так, будто заполучила какой-то маленький секрет.

Уголки ее губ тронула улыбка, она подняла голову и тихо спросила: — Ты идешь в общежитие?

— Нет, мне нужно в библиотеку, сдать книги и попутно собрать кое-какие материалы к занятиям на вторую половину дня, — покачала головой Тань Цзин, похлопав по все еще тяжелому рюкзаку. — А ты в общагу?

<http://bllate.org/book/28462/3441231>